

Хотя в названии нефритового паланкина и присутствовало слово «нефрит», представлял он собой обычную конную повозку, которую вели четверо слуг, украшенную лишь драгоценными камнями спереди и сзади.

Вспомнив примерный маршрут, император подумал, что путь из Центрального дворца вглубь гарема всё же далековато лежит. Если действительно заставлять носильщиков таскать его туда-обратно целыми днями, скорость передвижения выйдет черепаховой.

Дальше за дворцовыми воротами начиналась та самая зона Запретного города, что в прежние времена была наглухо заперта.

Выйдя из Дворца Небесной Чистоты и глядя на арочные дверные кольца, зеленую черепицу и красные стены, Великий император вновь ощутил легкое чувство нереальности происходящего.

Всего минуту назад в его руке покоилась чаша из румынской керамики с ледяными трещинами, которая в современном мире стоила бы несколько миллионов.

Пусть жизнь здесь накладывала кое-какие ограничения, но раз уж даже дверные кольца в виде звериных голов были сокровищами национального масштаба, это поневоле вводило в легкий транс.

Двенадцать жен и наложниц собрались в главном зале. Услышав, что идет император, они выстроились рядышком у входа, и не успел Ю Цун подойти к ним, как все разом склонили головы в поклоне.

— Поднимайтесь все, — Ю Цун окинул их беглым взглядом, узнав лишь ту, что стояла впереди и явно выделялась своим убранством, подобающим императрице.

Спасибо Лу Бину — он только что подсказал: императрицу зовут Чэнь, и Вдовствующая императрица Чжан выбрала ее ему в жены из семей добропорядочных граждан.

Ю Цун молча задержал на ней взгляд чуть дольше положенного, отчего лицо императрицы расцвело улыбкой — словно ей оказали особую милость.

Заняв главное место и наблюдая, как жены грациозно рассаживаются по местам, он всё еще думал об одной вещи.

Что ж они все до единой так отчаянно белят лица?

Он, конечно, не разбирался, какие именно драгоценности эти благородные дамы втыкают в волосы, но в эту эпоху точно не существовало брендов вроде Dior или Lancôme, а приготовление косметики походило на какую-то оккультную науку.

— Какой пудрой пользуется императрица для лица? — в сердце Ю Цуя зародилось нехорошее предчувствие.

— Докладываю императору: я и мои сестры пользуемся белилами и румянами, что поставляет Внутреннее ведомство, — императрица Чэнь польстилась на комплимент своей красоте и отвечала с явной гордостью.

Ю Цун нахмурился и взмахом руки подозвал стоявшего неподалеку молодого евнуха.

— Из чего обычно делают эту пудру для лица?

Маленький евнух впервые удостоился разговора с императором и от страха слегка задрожал:

— Отвечаю императору: обычно ее делают из рисовой муки и свинцовых белил. Но рисовая мука легко размокает и имеет резковатый запах, так что сейчас свинцовые белила используют куда чаще.

Император замер на долгие мгновения, думая про себя, что дело приняло скверный оборот.

Он снова повернулся к императрице и спросил:

— А наложницы, родившие венценосных наследников, тоже накладывают эту пудру?

Императрица Чэнь хоть и не поняла, почему у императора вдруг сменилось настроение, но все же кивнула:

— Верно.

Что такое эти свинцовые белила? Тяжелый металл!

Даже в современности такие бренды, как Shiseido и Clinique, попадались на скандалах с превышением нормы свинца, после чего следовал отзыв продукции и публичные извинения.

Эта дрянь, конечно, давала потрясающий отбеливающий эффект, но стоило ей попасть в организм в избытке, как это неизбежно вызывало анемию и почечную недостаточность, а при чрезмерном контакте у младенцев и вовсе могло повредить развитию интеллекта и центральной нервной системы.

И эти наложницы, намазавшись такой пудрой, берут детей на руки, да еще норовят в засос расцеловать их в самые щечки!

— Что это с императором сегодня? — вставила шутивную шпильку сидевшая рядом Наложница Шунь. — Уж не показалось ли ему, что сестрица стала еще краше и лучезарнее?

Уж простите, дамы.

Ю Цун на мгновение глубоко вздохнул и твердо произнес:

— Принесите двенадцать горячих полотенец, помогите матушкам-наложницам смыть макияж.

Этот прежний хозяин тела, то есть сам император Цзяцзин, был тем еще любителем испробовать всё подряд.

Пилюли, сваренные на киновари, красные шарики из менструальной крови — что бы ни расхваливали даосские алхимики, он готов был проглотить всё сам.

Но Ю Цун, пусть он по образованию и гуманитарий, относился к вещам с сомнительным составом и неясными побочными эффектами с чрезвычайной осторожностью.

Больше всего на свете он сейчас боялся, что дети не вынесут испытания всевозможной дрянью и, как записано в истории, один за другим умрут в младенчестве.

Все вечно твердят, как тщательно в древности подходили к жизни — черта с два тщательно!

Никаких анализов перед беременностью, никаких скринингов на патологии, а во время вынашивания ребенка налегают на птичьи гнезда да плавники акулы, считая это великим укреплением сил, при этом невозможно раздобыть даже баночку витамина D за два юаня.

Ю Цун подумал: заставить женщин смывать макияж при всех — это, конечно, удар по их самолюбию, но разве самолюбие важнее здоровья?

Что делают наложницы во дворец, то копируют и женщины из простого народа, а потом это распространяется по всей столице и ползет дальше по стране.

Сколько веков женщины Великого Мин травили себя свинцовыми ядами — если им и удавалось родить здоровых и умных детей, так это лишь милость небес.

Наложницы переглянулись, но никто не смел ослушаться императора. Лишь императрица Чэнь осмелилась подать голос:

— Неужели император считает, что наш макияж недостаточно подобает случаю?

Ю Цун мягко улыбнулся и на ходу придумал предлог:

— От этих свинцовых белил лица выглядят жутковато, будто призраки. Мне всё же милее естественная и свежая нагота без прикрас.

— Любимые наложницы от природы одарены несравненной красотой, к чему мазать лица этой гадостью.

Нет ничего веселее слова императора: стоило ему заявить о своей симпатии к естественности, как Наложница Шунь тут же взяла полотенце и принялась тщательно умывать лицо изнутри и снаружи.

Древний макияж был прост, никаких тебе стрелок на глазах или туши для ресниц. Не прошло и мгновения, как все присутствующие наложницы предстали в совершенно новом свете, обнажив свои простые, истинные лица.

В конце концов, это были красавицы, тщательно отобранные во дворец. Без косметики их кожа излучала нежное сияние, а с удалением мертвенно-бледного слоя в них появилось больше живого, земного тепла.

Хозяину этого тела едва исполнилось двадцать один год, а наложницам было по семнадцать-восемнадцать лет — совсем юные девушки, еще не растерявшие детской наивности.

Императрица хоть и помедлила немного с движениями, но тоже подчинилась, вот только выражение ее лица было слегка омрачено разочарованием.

— Без всякой пудры вы выглядите еще прекраснее, — с удовлетворением произнес Ю Цун. — Прикажите слугам и служанкам во всех дворцах: отныне никакой свинцовой пудры для лица. Всё должно быть просто и естественно.

Если уж так хочется ухаживать за кожей, можно использовать рисовый отвар, молоко, мед — а со свинцовыми белилами надо что-то придумать и запретить их повсеместно.

— Император вечно занят государственными делами и совсем не находит времени навестить детей, — мягко и нежно произнесла Наложница Шунь. — Не воспользоваться ли случаем и не привести ли сюда принцев?

Годовалые малыши, наверное, уже повсюду ходят?

Судя по прежним объяснениям Лу Бина, в раннем детстве все эти малыши жили вместе со своими матерями-наложницами.

При этой мысли Ю Цун невольно принялся воображать классические сцены дворцовых интриг.

Женщинам в заднем палате заняться нечем, кроме как целыми днями ждать, пока император соизволит составить им компанию. В одиночестве просидеть столько лет в глубоком дворце — тут мудрено не сойти с ума.

Сейчас он никого из них больше не посетит, и новых наследников у него не появится, но если среди этих десятка с лишним женщин хоть одна затеет какую-нибудь пакость, под удар могут попасть все четверо его детей.

— Не нужно их сюда приводить, — Ю Цун поднял руку. — Любимые наложницы, прогуляйтесь-ка со мной по дворцам, погрейтесь на солнышке.

Стояла прекрасная осенняя пора — ни пронизывающего ветра, ни палящего зноя, солнышко грело как раз в меру.

Получив от императора несколько похвал, дворцовые наложницы радостно засияли и послушно семенили следом.

Будь у него воля просто отдавать приказы, он бы с радостью внедрил во всем дворце гимнастику Игры пяти зверей, чтобы эти девчонки побольше двигались.

Такие знатные барышни, как Линь Дайюй, целыми днями сидят без движения и маются хандрой. Если бы перенести их в современность учиться и заставить вместе со школьниками каждый день выполнять комплекс зарядки для птичек, они бы уплетали еду за обе щеки и спали мертвецким сном.

Пока Ю Цун размышлял об этом, шедшая рядом императрица легко кашлянула и неторопливо произнесла:

— Мы пришли во Дворец Чанчуньгун.

Наложница Ли тут же позвала служанку, которая держала на руках старшего принца, всё еще сосавшего палец, и вновь поклонилась:

— Приветствую императора.

Малыш распахнул круглые глазенки, и у него из носа надулся пузырь.

Ю Цун немного посидел с наложницами в главном зале, глядя, как эти девчонки-подростки забавляются с детьми, и чувствуя странную иллюзию какой-то детской игры в дочки-матери.

Ранние браки и раннее деторождение — это никуда не годится.

Встав и пройдясь пару минут туда-сюда, он внезапно спросил:

— А что, входа и выхода во дворец совсем не фиксируют по спискам?

— По спискам? — с любопытством переспросила Наложница Ли. — Император имеет в виду...

— В этом заднем палате служанок и евнухов несколько тысяч. Неужели они расхаживают туда-сюда совершенно свободно, а всё зависит лишь от того, разрешит ли стражник на воротах войти?

Нахмурившись, Ю Цун издали посмотрел на дорогу, откуда они пришли, и понизил голос:

— Если кто-то вздумает навредить венценосным наследникам, как потом отыскать виновного?

Услышав это, императрица Чэнь ошеломленно произнесла:

— В одном лишь Дворце Чанчуньгун в главных покоях, где живет наложница Ли, до и после прислуживает около двух десятков человек, и это не считая слуг, приставленных к маленькому принцу...

— Раз народу много и у каждого свой язык, тем более следует соблюдать осторожность, — Ю Цун говорил вполне серьезно и жестом подозвал наложниц поближе, указывая направления у окна.

— У этой маленькой кухни есть отдельный вход и выход, во двор перед зданием и за ним тоже можно попасть через передние и задние ворота.

— У боковых покоев два выхода, у главных — тоже два.

— Если злоумышленник захочет проникнуть внутрь, ему это не составит никакого труда, — нахмурившись, он повернулся к императрице: — Принеси бумагу и кисть.

Стоявшая рядом молодая служанка суетливо схватила бумагу, тушь и кисть, подавая их императрице.

Смена одежды, поступление продуктов для кормилиц, дезинфекция дворцовой утвари, движение людей туда-сюда...

Слепых зон столько, что лови любую с закрытыми глазами.

Разве могут стражники уследить за всем этим?

— Первое, что нужно сделать — ввести систему пропусков по зонам, — Ю Цун вспомнил принципы иерархии в современных корпорациях и сурово продолжил: — В главных покоях заднего палача каждый слуга должен иметь именную бирку, а для входа и выхода оставить лишь двое ворот — парадные и задние, с обязательной росписью в амбарной книге.

Он говорил терпеливо и размеренно, следя за тем, чтобы все эти девчонки успевали следить за ходом его мыслей.

— Второе — строго контролировать передвижение кормилиц и нянек. Всю пищу заказывать через строго определенную маленькую кухню, и никаких подарков или подношений в виде еды со стороны принимать нельзя.

Необходимо жестко ограничить низовые контакты и встречи между различными дворцами, чтобы пресечь саму возможность взяточничества и сговора.

Пункт за пунктом Ю Цун перестраивал порядки на манер корпоративного устава, и время пролетело за разговором как одна палочка благовоний.

Группа наложниц расселась по вышитым пуфикам, прислушиваясь к объяснениям смысла каждого правила, и их глаза постепенно зажигались огоньком.

Император еще никогда не говорил с ними так терпеливо, да к тому же всё делал ради их же блага.

Императрица Чэнь хоть и утомила руку от писанины, но наслаждалась восхищенными взглядами остальных наложниц, слово в слово перенося указания на бумагу и сопровождая их мелкими пояснениями на полях.

Современные технологии не всегда удается применить с ходу, но управленческие модели работают безотказно.

— В ближайшее время, как только правила внутреннего распорядка будут приведены в порядок, я попрошу вас переписать их набело, оформить в свитки и развесить по покоям для наставления слуг, — видя перед собой эту стайку девушек школьного возраста, Ю Цун вдруг почувствовал жгучее желание раздать им тетради и кисти.

Раз уж они не решают задачки, то пусть хотя бы займут свои умы и жизнь делом, а не предаются вечной осенней хандре.

Не успел он толком задержаться в женской половине и насладиться обедом, как евнух Хуан снова прибежал вприпрыжку.

— Ваше Величество, прибыл Чжан Цун, просит о аудиенции. Говорит, нужно доложить о расследовании ситуации с усадьбами и полями в окрестностях столицы.

Брови Ю Цуя взлетели вверх: он подумал, что еще даже не запомнил лица всех своих жен, а стоит вернуться — и придется всё начинать сначала.

Но после проведенного в гареме утра в его голове прояснилось, а в теле прибавилось энергии.

Самое мощное оружие современного человека — это вовсе не высокие технологии, а системный и масштабный подход к делу.

Раз уж удалось внедрить современное управление контролем за перемещениями по гарему и правилами хранения пищи, то ровно теми же методами можно развивать и государственные дела.

Не говоря уже о том, что прежний хозяин за первые пять лет своего правления и так укрепил самодержавие, теперь же, обладая его собственной методичной терпеливостью, при желании можно было просто следовать намеченному плану.

В голове Ю Цуя мелькнула искра, и он автоматически начал мысленно цитировать лозунги из программы Время:

— Что нам требуется?

НАУЧНОЕ! РАЗВИТИЕ!

Мыслить проблемами максимальной эффективности и широчайшего охвата!

Пусть государство Великого Мин развивается быстрыми, качественными темпами, вернется к вершинам своего прошлого величия и создаст новую славу!

Взбодрившись, он велел императрице и двум наложницам дообсудить остальные положения, которые они только что набросали, а потом прислать их во Дворец Небесной Чистоты. Наклонившись, он легонько чмокнул маленького принца в макушку, распрощался с женами и снова направился в Центральный дворец.

Седовласый Чжан Цун ожидал его в боковых покоях. Услышав стук колес нефритового паланкина, он поспешно вышел к воротам Дворца Небесной Чистоты.

Обменявшись с государем дежурными любезностями, они проследовали в Восточный теплый павильон, где проходили государственные совещания.

Будучи императором, Ю Цун не мог с ходу запомнить лица всех чиновников, но звонкие имена из учебников истории отпечатались в памяти накрепко.

Уходя, Лу Бин упомянул было имя Чжан Цюйчжэна, но, к сожалению, лишь покачал головой — мол, никогда о таком не слыхивал.

Старые лисы Ся Янь и Янь Сун сейчас заседали в правительстве, а Чжан Цун принадлежал к числу знаменитых сановников предыдущего поколения: пусть он и пробился наверх через интриги, но всю жизнь честно и преданно служил делу.

Пока он предавался воспоминаниям, Ю Цун снова бросил взгляд на слегка прихрамывающего старика, ощущая всё то же нереальное чувство, будто персонаж со страниц книги сошел в реальный мир.

Угостив гостя чаем и усадив его на место, он участливо поинтересовался:

— Как здоровье господина Чжана? Не беспокоит ли что-то в повседневной жизни?

— Благодарю за заботу, Ваше Величество, — почтительно ответил Чжан Цун. — У вашего слуги всё хорошо.

— Как продвигается проверка усадебных земель в столичном округе? — император мысленно припомнил прошлый доклад старого евнуха и повторил вопрос.

Чжан Цун на мгновение задумался, решая, стоит ли выкладывать всю правду без утайки.

С каждым новым словом император чувствовал, как у него закипает мозг.

Выходило так, что почти половина пахотных земель во всей Поднебесной захвачена императорской родней и князьями.

— Мало того, — со вздохом продолжил Чжан Цун, — по всей стране насчитывается около шести миллионов бродяг и беглых крестьян, оттого повсюду вспыхивают мятежи, и нет покоя.

— А сколько примерно цинов императорских земель в самой столице? — с трудом выдавил из себя Ю Цун.

— Хотя чистки и шли последние пять лет, в императорских поместьях по-прежнему числится тридцать тысяч ци, причем больше половины из них — это земли, которые зажиточные слои отобрали силой, чтобы преподнести в дар императорской родне.

Ю Цун едва не выплюнул чай, а нули в голове никак не складывались в привычные единицы.

Что такое тридцать тысяч ци? Каков вообще был размер Пекина в эту эпоху?

Ладно еще капиталистические вампиры... но этот империализм оказался куда хуже любых прокладок!

В свое время Чжу Юаньчжан нарожал кучу сыновей, те наплодили внуков.

Из поколения в поколение уделы росли, а принцы и аристократы за счет этих крошечных родственных узелков захватили почти половину всех плодородных земель Поднебесной.

Поскольку эта знать творила всё, что вздумается, местные толстосумы и хулиганы тоже пустились во все тяжкие: они попросту записывали крестьянские наделы в государственные земли, а затем преподносили их в дар различным княжеским домам ради собственной выгоды.

К девятому году правления Чжэда одни лишь императорские усадьбы в окрестностях столицы занимали почти сорок тысяч ци, а бродяг по всей стране насчитывалось порядка шести миллионов — десятая часть всего населения, что неизбежно влекло за собой крестьянские бунты по всем провинциям и закладывало неисчислимы мины замедленного действия.

Великий император постучал костяшками пальцев по подлокотнику кресла, думая: не тот ли сценарий ему подсунули?

Если бы всё шло по канонам исторических сериалов, после перемещения во времени ему полагалось бы закрутить роман, проявить героическую сметку, совершить какой-нибудь великий подвиг — да так, чтобы подчеркнуть, какие мы, современные люди, чертовски крутые.

Но после всех объяснений старого Чжана Ю Цун примерно уяснил текущую реальность.

Во-первых, половина государственной территории принадлежит этой своре паразитов-дальних родственников.

Во-вторых, на свободе шатается более шести миллионов бездельников-бродяг, просящих милостыню и мутящих воду, которые в любой момент могут уйти в леса и устроить ему собственный вариант Реки окаянных.

...А правит-то страна действительно из рук вон тяжело.

Если рассматривать это перемещение как ролевую игру, то у других первое задание обычно состоит в случайной встрече с будущей возлюбленной или в прохождении простого обучения для знакомства с миром.

А ему досталось: «Займись-ка земледелием, парень!»

Ю Цун машинально попытался поправить переносицу, сообразил, что очков на нем больше нет, и сухо кашлянул:

— Господин Чжан, а много ли людей занято этим делом в настоящее время?

— Докладываю Вашему Величеству: под чужими захватами всё еще остается свыше четырех миллионов ци благодатной земли, — Чжан Цун тяжело вздохнул, но тут же взял себя в руки: — На данный момент сие поручено мне, Ся Яню, Фань Цзицзу и другим, а внутренние евнухи-управители в провинциях откликаются издалека. И хотя трудностей хватает, количество ежегодно проверяемых участков действительно радует.

Ю Цун невольно хлопнул ладонью по подлокотнику и вдруг сообразил, чего именно здесь не хватало.

В нынешнем государстве отсутствовало Министерство сельского хозяйства!

Заметив, что старик испугался его резкого движения, он махнул рукой, призывая успокоиться, и, делая вид, что прихлебывает чай, снова погрузился в раздумья.

Хотя система трех ведомств и шести министерств развивалась со времен династии Тан вплоть до династии Мин, шесть министерств были способны выдержать лишь базовые потребности государства в развитии, но их явно не хватало для полноценного ведения масштабных проектов.

Сейчас земельный вопрос выглядит простым сведением дебета с кредитом и разделом полей, но в древности по своей административной нагрузке это ничуть не уступало современной переписи населения или земельной реформе.

— Перекаладывать сие дело на плечи министров из Либу и Министерства общественных работ поистине неразумно, — он глубоко вздохнул и посмотрел на Чжан Цзуна. — Полагаю, следует созвать главных министров сего профиля и обсудить вопрос учреждения седьмого министерства.

— Седьмого министерства? — Чжан Цун опешил и нахмурился: — Ваше Величество, ныне существуют лишь шесть министерств и двенадцать палат, откуда взяться седьмому?

Множество разрозненных мыслей сошлось в голове, лишая его дара речи на пару секунд.

Да, финансы, ритуалы, общественные работы, наказания, военное дело и чины — не хватало лишь управления экономикой.

У людей древности коммерческая жилка была развита слабо, как и концепция крупных инвестиций: всякий раз, когда требовалось построить Великую стену или вырыть канал, они донельзя грабили народное благосостояние, толкая простых людей на восстания от отчаяния.

— Нужно учредить еще одно, — пробормотал Ю Цун. — Ровно его и не хватает.

Превратить империю Мин в подобие нового Китая в один присест — задача заведомо невыносимо сложная.

В эту пору невозможно даже помышлять об элитном образовании, равноправии женщин или здравоохранении — если удастся сделать так, чтобы миллионы бродяг просто не голодали, это уже можно считать великим благодеянием.

Мысленно возвращаясь к всевозможным усовершенствованиям современного мира, он подумал, что все эти полезные вещи необходимо записать в книгу. Пусть даже у него самого не выпадет шанса воплотить их в жизнь, грандиозный замысел нужно будет передать в руки той самой малышни.

— Учредить новое министерство? — Чжан Цун долго размышлял над этим, но не стал подвергать слова сомнению.

— С упором на сельское хозяйство и торговлю. Раз уж новая политика проводится уже несколько лет, мы вполне можем объединить эти сферы воедино, — Ю Цун скорректировал угол подачи так, чтобы не выдать себя: — Думаю, можно учредить четыре палаты: земледелия, торговли, финансов и рынков, чтобы поднять народное благосостояние и даровать благоденствие Поднебесной.

— Детали вы можете тщательно обсудить с Ся Янем, а через несколько дней составить меморандум и передать его мне наверх, договорились?

Все эти дела ему не обязательно выполнять самому — он должен оставаться игроком, что правит доской с самой высокой вершины.

Видя, как перепуганный и одновременно польщенный Чжан Цун кивает, Ю Цун мысленно еще раз поблагодарил прежнего владельца тела.

Если бы не тот факт, что в свое время Чжу Хоуцун проявил жесткую хватку и перебил чиновников до полного послушания, сейчас у него самого не осталось бы никакого простора для маневра.